

Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога

.....

Г.Ю.Фоменко*

Начнем статью со слов Лидии Гинзбург-Каган, которые в преломлении к дальнейшему тексту представляются нам программными: «Психология начинается не с внимания к душевной жизни, а с ощущения её парадоксальности» [7, с. 116].

С этой парадоксальностью мы сталкиваемся как в самых общих аспектах, когда задумываемся о методологическом статусе собственной науки, так и в более частных проявлениях, касающихся любых исследовательских проблем.

Отправной точкой размышлений, отражённых в данной статье, является практическая деятельность самого автора. Однако структурирование и организация материала определяются содержанием дискуссионных обсуждений в ходе двух общероссийских конференций «Личность и бытие» (2002, 2003 гг.), проведённых в Краснодаре на базе КубГУ. В рамках, заданных тематикой данных конференций, остановимся на нескольких аспектах этой парадоксальности. Причём конструктивный аспект и пафос наших изысканий связан с попытками осмысления и разрешения акцентированных проблемных ситуаций как в прикладном аспекте (многопрофильная работа психолога в силовых структурах), так и в рамках подготовки студентов к непростым исследовательским и практическим ситуациям в рамках спецкурса «Интегративное исследование личности».

В начале обсуждения заявленной темы для стимуляции работы профессионального самосознания в качестве *примера психологического парадокса* приведем мнение о психологах одного из наиболее влиятельных психоаналитиков XX в., основателя Британского психоаналитического общества Э. Гловера.

* Галина Юрьевна Фоменко — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Кубанского госуниверситета. Электронная почта: mclinica@mail.ru

По его словам, из многих мифов, выросших вокруг психологов, которых широкая публика воспринимает как современных шаманов и знахарей, два особенно живучи. Принято думать, будто психолог может читать мысли даже тех людей, с кем он вступает в кратковременный контакт; кроме того, психологов принято считать проницательными судьями человеческих характеров. Трудно представить себе предположения более далёкие от истины, утверждает Э. Гловер. Стоит лишить профессионального психолога тех инструментов, которые помогают ему проводить свои исследования, и он сможет строить лишь смутные догадки о том, что происходит в головах других людей, а в том, что касается их характеров, любой коммивояжер окажется проницательнее. Если понимать под словом «характер» прежде всего сумму поведенческих и эмоциональных установок и потенциалов, то можно с уверенностью сказать: в том, что касается оценки характера, профессиональный психолог не сильнее среднего человека и значительно слабее среднего романиста [4, с. 94–95].

Данным умозаключением Э. Гловер затрагивает одновременно множество проблем. Это и развенчание определённого профессионального эгоцентризма психологов, указание на их беспомощность при решении собственных жизненных проблем, напоминание о том, что психология является не только наукой, но и искусством, подчёркивание чрезмерной привязанности специалистов к своему техническому инструментарию в сочетании с отсутствием широты мышления и недостаточной психологической проницательностью. Здесь мы встречаемся с изящной и смелой констатацией *базового парадокса*, касающегося *самосознания специалистов и их реального уровня психологической проницательности*. Ни в одной другой науке мы не наблюдаем подобного явления, когда *практические возможности специалистов* (а сообразно содержанию профессиональной деятельности психологов от них ожидают личного примера мудрого жизнеполагания) *не являются производной глубины их теоретической подготовки и качества инструментальной оснащённости*.

Приступим последовательно к рассмотрению этой парадоксальности.

Начнём с того, что *парадоксальным является само предметное поле психологической науки*. В нашей статье ограничимся только констатацией данного факта, поскольку это тема отдельного, очень серьёзного разговора

Здесь отметим только, что природа душевной жизни человека до сих пор остается неуяснимой и явно относится к числу «вечных» загадок. Тем не менее психологам ежедневно приходится решать проблемы, которые по большому счёту относятся, если вдуматься, к категории «запредельных». Уяснение масштаба проблем в соотношении с собственными возможностями и необходимости их практического решения требует от думающего специалиста отчаянной смелости и значительной доли авантюризма. При отсутствии полноценного осознания данного момента решительность специалиста может объясняться только его дремучим невежеством.

Любой профессиональный контакт с человеком начинается с явной или скрытой диагностики. Поэтому вначале остановимся на *парадоксах психодиагностического обследования*.

Сложность и опять же парадоксальность ситуации практического психолога в любой профессиональной сфере состоит в том, что как бы ни были буквально «затвержены» определённые теоретические каноны о том, что в психологии нет однозначного набора методов и применение последних необходимо именно в качестве технического инструментария и невозможно без предварительного проникновения в историю жизни человека и его актуальную ситуацию, на практике всё происходит наоборот. В диагностическом плане наблюдается большая сосредоточенность на диагностическом инструментарии, а не на человеке. Пытаясь быть оперативными и технологичными, психологи стараются найти универсальную методику (или пакет методик, желательно электронные версии с интерпретацией), способную ответить на поставленную перед специалистом прикладную задачу, явно забывая о высказывании Адлера: «Индивидуум как целостное существо не может быть изъят из своих связей с жизнью... По этой причине экспериментальные тесты, которые имеют дело в лучшем случае с частичными аспектами жизни индивидуума, ничего не могут нам сказать о его характере» [16, с.100].

Парадоксально, но факт, не имея в запасе десятков методик на все случаи жизни, психолог чувствует себя «безоружным», упуская из виду, что краеугольным камнем любого исследования следует всё же считать *беседу*.

Если взглянуть на проблему несколько ироничнее, то уместно привести меткие слова известного литературного героя, гениального «человековеда» Эркюля Пуаро, сказанные именно по этому поводу:

- У Вас, наверное, имеются весьма хитроумные способы выяснения истины?
- Один единственный и ничуть не хитроумный.
- А именно?
- Предоставить людям возможность самим всё рассказать.
- Но если они не захотят?
- Все любят говорить о себе [9, с. 138].

В связи со сказанным, напомним читателю следующую *закономерность системного подхода, воспринимаемую как психологический парадокс*: чем выше уровень психических способностей, которые мы измеряем, тем больше результат измерения подвержен влиянию фактора отношения между испытуемым и экспериментатором [5, с. 97–98].

Вообще психологическое обследование (в том числе эксперимент) возможно только тогда, когда испытуемый согласен вступить во взаимодействие с другим лицом – экспериментатором (исследователем, экспертом). Причём испытуемый может *навязать* психологу своё понимание задачи, вынудить экспериментатора выйти за пределы заданного сценария и т.д. Отсюда вытекает

важнейший методологический вывод: для психологии базовой (первичной) исследовательской ситуацией (или точнее – исследовательским методом) является ситуация взаимодействия двух *субъектов*: испытуемого и экспериментатора.

Психологическое исследование происходит не в социальном вакууме, оно встраивается в контекст жизни человека (группы людей), и *зачастую именно жизненный контекст* (даже не экспериментальная ситуация) *определяет результат исследования*.

В.Н. Дружинин показал, что *субъектное влияние* на исход психологического эксперимента является *решающим*; оно довлеет и над материалом предполагаемого задания, и над типом нормативных отношений «испытуемый–экспериментатор». Можно сформулировать следующий, несколько тривиальный вывод: субъектные качества испытуемого в той мере влияют на результат исследования (т.е. на поведение испытуемого в эксперименте), в какой сам эксперимент воздействует на субъектные качества испытуемого. В конечном счёте возможность влияния субъектных качеств испытуемого на измерение показывает, в какой мере измерение касается этих качеств и, естественно, определяет «меру» бессилия естественнонаучной измерительной процедуры по фиксации этих качеств [6, с. 104].

Очевидна аналогия этих выводов со взглядами первых экспериментаторов — В. Вундта, Г. Эббингауза и других, считавших, что эксперимент можно применять только для исследования «низших», «экспериментальных» психических функций, а для «высших» применимы только интроспекция, понимание (в смысле В. Дильтея), интерпретация. Похоже, что справедливость этой точки зрения, «частичная правда» подтверждается сегодня. Речь идёт о дополнительности естественнонаучного и понимающего методов, а именно: чем выше уровень психических систем, изучаемых в эксперименте, тем ниже мощность системы, которой мы можем пользоваться при интерпретации данных, норм воспроизводимости и объективности результатов [6, с. 104]. Любопытна и следующая закономерность: чем выше сложность психологической функциональной системы, тем ниже сложность измерительного инструмента. Например, специалисты по психологии личности проводят интервью, используют опросники, рисунки, картинки, простые материалы (карандаш, бумага, пластилин и т.д.), специалисты в области познавательных процессов вооружены более сложными приборами (компьютерные тесты, адаптомеры и т.д.), и наиболее сложна аппаратура психофизиологов. Может причина в том, что на более простом материале испытуемый может легче проявить свои субъективные качества?

Следовательно, на уровне индивидуальности вступает в полную силу метод герменевтики – метод постижения уникального, как об этом пишет Х.Р. Гадамер [5, с. 129–131].

В рамках сказанного необходимо подчеркнуть, что весь обсуждаемый материал связан с непростой проблемой соотношения естественнонаучной и гума-

нитарной парадигм, а следовательно, количественного и качественного, причинного и целевого подходов к исследованию личности.

Напомним, что Г. Мюнстерберг полагал, что эти два подхода (причинный и целевой) могут объединяться лишь в тех случаях, когда психологу надо применить знания о психической жизни для конкретных целей, т.е. в прикладной психологии.

Корректно проведенное исследование, по мнению ряда авторов [6, с. 83], обязательно снимает дихотомию количественного и качественного подходов как разных познавательных стратегий психолога.

Подобно тому как логика и интуиция, сливаясь, порождают познание, так и согласованные причинные и целевые проекции поведения обеспечивают целостное видение изучаемого явления.

Всё это ещё раз подчёркивает важность фундаментального теоретического образования для практических психологов и, более того, важность их «подкованности» в методологических вопросах. Если теория – душа метода, то методология — душа теории.

Следующий парадокс заключается в требовании к специалисту выстраивать свое восприятие клиента, «когда воспринимаемый индивид или объект отличается сложной, тонкой и неоднозначной структурой. В этом случае воспринимающий должен проявлять особое уважение к природе объекта» [11, с. 67].

На практике чаще всего так и бывает, когда в субъект-субъектном взаимодействии именно так называемый *объект исследования* оказывается *более сложным* по своей структурной организации и *более зрелым*. В частности, в нашей практической деятельности в силовых структурах молодому специалисту приходится иметь дело с людьми, старшими по возрасту, с большим жизненным опытом, имеющими высокие воинские звания.

Обратимся по этому поводу к авторитетным суждениям. По мнению А. Маслоу, «восприятие здесь должно быть осторожным, деликатным, незаданным, неагрессивным, способным пассивно подстроиться под природу вещей, подобно тому, как вода исподволь проникает в любые трещинки. Наиболее эффективный способ проникновения в суть природы вещей – это скорее восприятие, чем активность, готовность, насколько это возможно, в большей мере подчинять своё восприятие внутренней структуре воспринимаемого объекта, и меньше – своей собственной природе [11, с. 67–68].

По Маслоу, *умение пассивно¹ воспринимать* — это критерий, по которому хорошего психолога отличают от плохого, к какой бы школе он ни принадле-

¹ Может быть, уместно указать, что составители первых русских грамматик, использовавшие западноевропейские образцы, перевели «*vox passiva*» сочетанием «*страдательный залог*»; тонкость заключается в том, что «*страдательность*» предполагает отсутствие только внешнего действия, а не действия вообще. «*Страдательность*» содержит идею внутренней активности – (со)переживания, а активное восприятие предполагает интеллектуальную и эмоциональную активность (*прим. ред.*).

жал [11, с. 120]. А. Маслоу указывает, что хороший психолог способен воспринимать индивида самого по себе, не стремясь причислить его к определённой группе и занести в определённую графу. Маслоу очень образно пишет о том, что плохой специалист, проработав он хоть ещё сто лет, всегда будет находить только подтверждение теорий, которые он узнал в начале своей карьеры. Он может повторять одни и те же ошибки в течение сорока лет, а потом назвать их «богатым клиническим опытом».

Лучший, но чрезвычайно сложный способ понять другого человека – это проникнуть в его мировоззрение и суметь увидеть мир его глазами. Однако здесь возникает сложное диалектическое соотношение между процессами понимания и познания.

Этой проблеме всегда большое внимание уделял К. Юнг, считая, что она встаёт всякий раз, когда речь заходит о понимании и познании сложных индивидуальных ситуаций. Более того, он считал, что «именно в этом заключается специфическая задача психологов» [1, с. 137].

«Когда я хочу понять отдельного человека, то я должен отложить в сторону научные познания о среднем человеке, отказаться от всякой теории, чтобы смотреть всякий раз по-новому и без предубеждений. К задаче понимания я могу приступать лишь *vacua et libera* (лат. — пустым и свободным умом), тогда как научное познание требует всевозможных знаний во всеобщей форме» [1, с.116–117].

«Чем больше в поле исследования, – подчёркивал Юнг, – доминирует индивидуальный объект, тем жизненнее, практичнее и шире по своему охвату вытекающее из него познание. Однако тем самым предмет исследования делается чрезвычайно сложным, возрастает неопределённость единичных факторов, а потому и возможность ошибки» [1, с. 136].

Следующей опасностью на этом пути является возможность чрезмерной субъективизации познания, которая возникает всякий раз вместе с перевесом понимания над познанием. То, что первоначально казалось преимуществом, теперь грозит опасным недостатком. По мнению К. Юнга «в терминах «или-или» этот конфликт не решается, тут требуется «*двуколейное*» мышление: мыслить одно, не забывая при этом и другого» [1, с. 117]. Аналогично – *терапевтическая «раздвоенность»*, по Маслоу (она же лежит в основе терапии по Дойчу и Мэрфи).

Таким образом, всё изложенное подводит нас к мысли о том, что совершенствование технического методического инструментария безусловно необходимо. Однако само по себе мощное техническое «вооружение» специалиста не решает конечной задачи успешной работы с самим человеком: «Методы всего лишь инструмент и не решают проблему понимания структуры личности» [10, с. 38]. Утверждение о том, что главным в любом психотерапевтическом приёме, методе или технологии есть и остаётся личность самого психотерапевта, в полной мере относится и к диагностической процедуре. То есть в личностно-

центрированном психодиагностическом подходе при безусловно центральной фигуре субъекта исследования, в вопросах совершенствования психодиагностики акцент перемещается как на личность самого специалиста, так и на взаимодействие и состояние единения клиента и психолога.

В психодиагностике всегда старались снизить «субъективное влияние» самого исследователя и «шумы» процедуры обследования. По нашему мнению, путь повышения эффективности психодиагностических процедур лежит в принципиально ином, указанном выше, направлении.

В идеальном случае познание и понимание человека во время психодиагностической процедуры равнозначно познанию в пиковом переживании и бытийному познанию самоактуализирующейся личностью (по А. Маслоу).

То есть адекватность познания и понимания другого человека напрямую зависит от уровня личной зрелости и степени интегрированности самого специалиста. А это, в свою очередь, связано с проблемами индивидуации (К. Юнг), приходящейся, как правило, на вторую половину жизни, и самоактуализации (А. Маслоу), что также связано со зрелым возрастом.

Однако все в конечном счёте оказывается не столь безнадёжным для молодых специалистов. Их успешность на профессиональном пути во многом зависит от *принципов* организации взаимодействия с другим человеком и от своей *позиции* в нём.

Здесь на первый план выходит эмпатия, сопереживание, обеспечивающие возможность бескорыстного и неэгоцентричного восприятия другого человека. В более широком смысле слова «конкретное и целостное восприятие объекта подразумевает, что он воспринимается с *любовью* (*курсив наш.* – Г.Ф.). С другой стороны, любовь к объекту подразумевает сосредоточенность внимания, постоянное изучение, которое так необходимо для восприятия всех аспектов объекта... От такого поглощённого, замороженного, всецело задействующего наше внимание познания мы вправе ожидать богатства деталей и всестороннего понимания объекта» [11, с. 107].

Однако здесь встаёт проблема сознательности усилий, которые могут препятствовать эффективности процесса. Как отмечал К. Рождерс, «если же мы слишком заняты тем, что пытаемся «понять» наших клиентов или стремимся быть полезными им, или изо всех сил стараемся делать «что нужно», то у нас непременно возникает трудность при проникновении в мир клиента» [3, с. 32]. Об этом же говорит и А. Маслоу, указывая, что хороший психолог должен уметь слушать по правилу «*получать, а не брать*», чтобы суметь услышать то, что на самом деле говорит пациент, а не то, что хочется услышать специалисту: «Он не должен заставлять себя слушать, скорее он должен позволять словам проникать в него. Только тогда он сможет усвоить их форму и содержание. В противном случае он услышит только свои собственные теории и рассуждения» [11, с. 120].

Следующим «камнем преткновения» является необходимость видеть перед собой человека, а не себя (самолюбование) в процессе взаимодействия. По словам К. Роджерса, «если потребности нашего эго (в принятии, обожании, любви) чрезмерно вовлечены в процесс, то мы можем испытать сложность при отказе от своего «Я» (I-ness) и утрате границ между собой и своими клиентами» [4, с. 32].

Правильно организованная работа практического психолога, в частности психодиагностическая процедура, является важным *обучающим фактором* для самого специалиста. Более того, она обладает *мощным психотерапевтическим воздействием*, позволяющим в более сжатые сроки пройти путь личностного созревания.

Теперь от парадоксов собственно диагностического процесса перейдём к *следующей группе парадоксов практической деятельности* психологов, но в более широком социальном контексте.

Начнём с обсуждения *парадоксов сотрудничества психологов с представителями других специальностей*.

Необходимо помнить о том, что «развитие связано с определением личности, а также типом и способом разрешения противоречий, в которые вступает при этом личность с социальной действительностью, собственной жизнью, окружающими людьми» [14, с. 35–36].

Работа психолога, в частности, по отбору кадров, приводит к разного рода проблемным ситуациям во взаимодействии с другими заинтересованными структурами. Рассмотрим конспективно возможные «точки напряжения» и источники противоречий.

На административном этапе полученная из различных источников информация вводится, с одной стороны, в узкий контекст предполагаемых профессиональных обязанностей, с другой стороны, рассматривается в рамках широкой социальной перспективы. Поэтому иногда выводы сотрудников кадрового аппарата могут внешне, казалось бы, противоречить данным психолога, полученными непосредственно в ходе психодиагностического или психофизиологического обследования относительно перспективности использования специалиста в предполагаемой профессиональной сфере. Однако это только видимость противоречия. Речь идёт о качественно ином виде деятельности (административном, в отличие от предшествующего – экспертно-исследовательского по своей сути).

Для кадровика значимыми при анализе и принятии решений являются следующие понятийные структуры:

- 1) внешне благополучный срез социального развития;
- 2) непосредственное личное впечатление;
- 3) мнение ближайшего окружения и значимых лиц руководящего состава.

В то же время особенности высшей нервной деятельности, завуалированная внутриличностная проблематика, ведущие мотивы деятельности остаются скрытыми от обычного житейского наблюдения.

Как говорят, чтобы понять человека, необходимо с ним пуд соли съесть. Квалифицированная психологическая диагностика позволяет сократить период узнавания.

Далее, бывает и так, когда в качестве претензий выдвигается следующий аргумент: «Вот видите, служит – и ничего из указанных вами моментов не проявляется».

Здесь надо иметь в виду, что даваемый психологами прогноз имеет долговременный характер. При этом психолог обязан предвидеть не только то, что *может* случиться, но и то, что только «*возможно*» случится. Кроме того, условия службы могут значительно отличаться по степени требовательности, благоприятности моральнопсихологического климата в коллективе, режима труда. Совокупность этих факторов способна создать для человека щадящий режим, и в результате указанные в психологическом заключении особенности могут проявиться либо в стёртой форме (в виде мелких недоразумений или разногласий), либо не проявиться вообще. Также возможна их локализация в соматической сфере – в ухудшении физического здоровья, в основе которого будут лежать психологические факторы.

Таким образом, расхождения в оценке перспективности использования того или иного кандидата в предлагаемой профессиональной деятельности обусловлены разным уровнем анализа материала и специфичностью видов деятельности указанных структурных звеньев кадрового отбора.

Уяснение этих моментов лежит в основе продуктивного сотрудничества всех звеньев данного процесса профессионального отбора и эффективности решения насущных проблем при условии функционирования каждой структуры на собственном уровне (психологи – на исследовательско-экспертном, кадровый аппарат – на административном).

Специфика социальных запросов часто приводит к следующей *парадоксальной ситуации профессионального бытия* практического психолога: то, над чем «бьются» серьёзные исследователи десятилетиями, если не веками, от него требуют решить «здесь и сейчас» в течение ограниченного периода рабочего времени, невзирая на неизученность вопросов в научных исследованиях – и это насущная практическая необходимость.

Более того, практический психолог должен давать вполне определённые ответы на вопросы, которые имеют только вероятностное звучание. От психолога ждут чётких прогнозов, и это вполне оправдано потребностями практики. В этом *парадокс определённости ответов на базе вероятностного предсказания*.

Необходимость именно вероятностного подхода к решению психологических проблем связана с особым духовным признаком человека – свободой его воли. Ещё Г.В. Лейбниц в «Теодицее» рассуждал о том, что, зная Адама до его грехопадения, мы бы не могли предсказать с достоверностью, совершит ли он его или нет. Даже сам Адам, зная себя, не смог бы это предсказать! Суть в

том, что никакое знание никакого процесса не может низвести эту свободу до иллюзии. Такое знание в отношении конкретного субъекта в принципе недостижимо. Продолжая эти рассуждения, И. Пригожин отмечает: «Сколько бы информации мы не накопили об Адаме до грехопадения... мы можем только предсказать поведение «неопределённого» и «расплывчатого» Адама, которого можно уподобить бесконечному ансамблю Адамов с различными судьбами: одни Адамы совершают грехопадение, тогда как другие противятся искусителю. На более современном языке можно было сказать, что адекватным описанием Адама было бы вероятностное описание» [13, с. 49].

Сошлемся на В. Франкла, критиковавшего пандетерминизм и последовательно отстаивавшего способность человека занять позицию по отношению к любым условиям и быть «самоопределяющимся существом». В. Франкл указывает, что человек не просто существует, но решает, каким будет его существование, каким он станет в следующий момент. Следовательно, каждый человек имеет свободу измениться в любой момент. Поэтому мы можем предсказать будущее только в широких рамках статистического обследования относительно целой группы; *индивидуальная личность, однако, остаётся в сущности непредсказуемой.*

Для подтверждения данного тезиса В. Франкл приводит пример доктора J. Как пишет Франкл, это был единственный человек, встреченный им за всю его жизнь, которого он отважился бы назвать Мефистофелем, дьявольским существом. В то время он был известен как «массовый убийца Штайнхофа», по названию большой психиатрической больницы в Вене. Когда нацисты начали свою программу эвтаназии, он держал все нити в своих руках и был столь фанатично предан службе, что старался не допустить, чтобы хотя бы один психически больной избежал газовой камеры. После войны Франклу рассказали, что доктор J. был захвачен в плен русскими. Каково же было его удивление, когда бывший австрийский дипломат, который больше десяти лет находился в заключении по ту сторону «железного занавеса», сначала в Сибири, затем на знаменитой Лубянке в Москве, неожиданно упомянул доктора J. в позитивном контексте. Дипломат утверждал, что доктор J. проявил себя в тех условиях наилучшим товарищем, какого только можно вообразить. Он давал утешение каждому. Он жил по высшим моральным стандартам. Он был лучшим другом, какого только мог встретить человек за многие годы заключения.

Такова история доктора J. – «массового убийцы Штайнхофа». После этого возникает вполне резонный вопрос: как можно отваживаться предсказывать поведение человека? В. Франкл на него отвечает следующим образом: «Вы можете предсказать движения машины, автомата. Более того, вы можете предсказать даже механизм, или “динамику” человеческой *психики*, но человек больше, чем *психика*» [17, с. 275–276].

В свете сказанного, безусловно, важны два момента: как сама проблема, так и рефлексивное восприятие данной проблемы, которое косвенно может

служить показателем профессиональной зрелости психолога. К тому же рассмотренный материал вскрывает ещё более глубокий пласт психологических проблем.

Отдельная тема для обсуждения – вопрос о *парадоксах особенностей профессионального самосознания психологов*.

Любопытно, но из уст студентов-психологов пятого курса приходилось слышать утверждения, что все учебные курсы уже пройдены и многие из них были об одном и том же. То есть образование уже завершено и продолжить его возможно на различных тренингах, где и научат конкретной работе с людьми. Настораживает подспудное мнение об определённой конечности образования и отсутствие дискомфорта, но столь продуктивного состояния незнания.

В данном случае мы касаемся первого парадокса нового заявленного уровня – *хронического состояния незнания*, которое преследует думающего специалиста на всём протяжении его жизненного пути, умения выносить это состояние и в ряде случаев доводить его до апогея или абсурда (что может рассматриваться как один из источников творческих прорывов).

Напомним, что Фридрих Ницше, обсуждая дискомфорт состояния незнания, подобного замешательству, а также желание выйти из него с помощью собственных представлений о картине мира, написал: «Сталкиваясь с неизвестным, мы оказываемся перед опасностью, дискомфортом и тревогой; и наше первое инстинктивное побуждение – уничтожить эти болезненные состояния. Первый побудительный мотив: всякое объяснение лучше, чем ничего. Поскольку в его основе лежит единственное желание избавиться от тягостных утверждений, о средствах особенно не заботятся: первое же объяснение с помощью уже известных нам доводов кажется настолько хорошим, что его считают верным. Таким образом, удовольствие является критерием истины» [8, с.134].

Должна существовать боязнь поспешных ответов. Тем более что сами специалисты-психологи, владеющие фундаментальными знаниями своей науки, помнят рассуждения родоначальника аналитической психологии К. Юнга: «Реальное решение конфликтной ситуации приходит только изнутри и только потому, что человек пришёл к другой установке» [18, с. 35]. Конфликт разрешим только путём поддерживания напряжения между противоположностями, пока не проявится нечто третье, логически не предопределённое, совершенно неожиданное. Это «третье» (названное Юнгом «трансцендентной функцией») представляет собой творческое вмешательство и руководство со стороны самости, архетипа целостности, который функционирует в психическом как саморегулирующийся центр.

Данная стратегия применима, безусловно, и при решении проблемных жизненных вопросов.

Вообще говоря, конфликт возникает тогда, когда существует возможность и искушение выбора способа действия. Теоретически существует много вариан-

тов выбора. Однако на практике оказывается, что конфликт обычно возникает между двумя вариантами, причём каждый из них содержит свою собственную цепь следствий: жена и любовница, две различные работы, два направления, два решения и т.д. Самые болезненные конфликты, вероятно, возникают в связи с выбором между «безопасностью и свободой» [18, с. 26].

При наличии возможности выбора между двумя несовместимыми вариантами, обладающими равной привлекательностью, психологическая реальность такова, что можно говорить о наличии двух отдельных личностей, которые рассматриваются как персонификация комплексов. При этом каждая требует удовлетворения и не согласна поступиться своим суверенитетом. При таких обстоятельствах задача индивида заключается в сохранении напряжения между противоположностями (со всеми вытекающими отсюда тяготами) с целью установления, кем он (или она) в действительности является. Принятие поспешного решения в пользу той или другой стороны лишь укрепит позиции противоположной.

Для разрешения конфликта существуют две предварительные возможности. В первом случае можно взвесить все «за» и «против» каждой стороной, а затем принять логически удовлетворительное решение, во втором случае необходимо решать, чего вы действительно хотите, и затем приступить к реализации решения.

По поводу первого говорить особенно нечего. Решение всех вопросов, которые можно решить с помощью разума без пагубных последствий, следует предоставить разуму. Вопрос лишь в том, что разум сам по себе может скорее продлить, нежели разрешить конфликт.

Серьёзные конфликты не разрешаются столь легко. Они требуют очной ставки с бессознательным, так сказать, диалога с «другой стороной» [18, с. 26]. Поэтому при встрече с анализируемым, внутреннее состояние которого характеризуется наличием конфликта, психолог может задать такой вопрос: «Чего *вы* хотите?» или, сместив акцент, «Чего *хотите* вы?». Эти вопросы неизменно ставят человека в затруднительное положение, поскольку, если бы он знал, чего он хочет, у него не было бы конфликта. В сущности, сознательно он стремится и к тому, и к другому.

С психологической точки зрения полезны оба вопроса, ибо в первом случае, с акцентом на «вы», активизируется позиция индивидуального (противоположность устремлениям других индивидов); в другом вопросе, с акцентом на «хотите», сосредотачивается чувственная функция (рассудительность, оценочная способность). Таким образом, можно разрешить некоторые конфликты без дальнейших хлопот.

В своих комментариях к психологии конфликтных ситуаций К. Юнг любил упоминать о буридановом осле, который умер от голода, находясь между двумя стогами сена, потому что не смог сделать свой выбор. В «Двух эссе» Юнг пишет: «Важно не то, какой из стогов сена лучше, справа или слева, и не то, какой

из них следует начать есть первым, а то, что в глубине души он хотел узнать, какой из стогов подтолкнёт его к себе? Осёл хотел, чтобы объект сам принял решение» [18, с. 34–35].

Телеологическое объяснение, почему тот или иной человек не выходит из тупика, можно найти у Юнга в одном из первых упоминаний о буридановом осле: «В чём же заключается действительная причина столь странного поведения осла?.. В том, что он не хотел ни того, ни другого, для него существовало нечто более важное – смерть» [18, с. 36].

Как писал Гёте, «природа требует смерти», разумеется, не к физической смерти, а смерти эго-установки, ибо смерть (несоответствующая эго-установке) – это необходимое условие обновления, изменения.

«Реальное решение [конфликтной ситуации], – указывает Юнг, – приходит только изнутри, и только потому, что пациент пришёл к другой установке. Конфликты должны разрешаться на уровне характера при достаточном учёте «противоположностей», а это в свою очередь возможно только путём изменения характера... В таких случаях внешнее решение хуже, чем отсутствие решений» [18, с. 39].

Жизнь всегда связана со столкновением конфликтующих обязательств. Понимание и признание конфликта как неизбежной жизненной материи является, как ни парадоксально, единственным спасением.

«Только то, что действительно является самим собой, – пишет Юнг, – может исцелить (курсив наш. – Г.Ф.) [18, с. 40].

С этим выводом Юнга связано и рассмотрение ряда психологических парадоксов К. Роджерсом.

В своём эссе «Несколько важных открытий» Карл Роджерс, обсуждая содержание второго открытия, пишет: «Я понял, что у меня получается лучше, когда я могу с принятием прислушиваться к себе и быть самим собой... Можно сказать, что я становлюсь более адекватным, когда позволяю себе, *быть тем*, что я *есть*. Тогда мне легче принимать себя как явно несовершенного человека, который, тем не менее, идёт по пути, по которому хотел бы идти». При этом Роджерс подчёркивает: «Этот путь может показаться странным, но он имеет ценность для меня из-за *любопытного парадокса: когда я принимаю себя, я изменяюсь*» [15, с. 7–8].

Значимость этого вывода столь велика для Роджерса, что по сути обсуждение данного парадокса, правда с существенным дополнением, связанным с распространением его на сферу межличностных отношений, является аргументацией и для другого его открытия. Последнее заключается в следующем: чем больше я открыт тому, что происходит во мне и в другом человеке, тем меньше во мне стремление к «фиксированным точкам». Пропадает желание воздействовать на людей, манипулировать ими и толкать их на путь, по которому, нам кажется, они должны идти. *Это парадоксально: когда каждый из нас*

хочет быть самим собой, он замечает, что не только он сам изменяется, но и люди, с которыми он входит в контакт, тоже изменяются.

Теперь на новом витке вернемся к незнанию, к озарениям и к уникальности собственного пути как в жизни, так и в науке. По мнению К. Роджерса, если *переживание* воспринимается как нечто ценное, оно достойно того, чтобы существовать. Иначе говоря, подчёркивает Роджерс, целостное организмическое чувство ситуации более достойно доверия, чем интеллект.

Рассмотрение парадоксальности профессионального бытия психологов хотелось бы закончить притчей «Приходите позже». Почему? Пусть каждый из читателей ответит для себя сам.

«Однажды к Ганди пришла женщина и попросила, чтобы он убедил её не в меру полного сына перестать есть сахар.

– Мадам, – ответил он, – приходите ко мне через три недели.

Удивлённая таким поворотом событий женщина тем не менее пришла со своим сыном три недели спустя.

Ганди посмотрел на мальчика и сказал:

– Прекрати есть сахар.

Когда мальчик вышел из комнаты, мать повернулась к Ганди и спросила, почему он не произнёс это слова три недели назад.

– Три недели назад я тоже ел сахар, – ответил Ганди» [12, с. 59].

В заключение подчеркнем, что гуманизация психологии без этого ощущения парадоксальности, неожиданности была бы попросту невозможной. Если представить некий предельный случай, когда все законы психики уже ясны, а компьютерная техника всемогуща, то и тогда мы не сможем воссоздать человеческую психологию. Она – та сфера предсказуемой непредсказуемости и непредсказуемой недоказуемости, которая постижима в живых диалогических отношениях Я – Ты, но остаётся закрытой в отношениях Я – Оно (М. Бубер) – идёт ли речь об отдельном человеке или об отношениях людей, групп, систем. В человеческой психологии парадоксальность так же закономерна, как закономерность парадоксальна. В ней равно реальны и «молекулярная решётка» психики, и «виртуальные частицы» переживаний» [7, с. 116–117].

Библиографический список

1. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В.Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995.
2. *Богданов В.А.* Причинный и целевой подходы в развитии теории личности // Вопросы психологии. 1991. № 3.
3. *Боуэн М.В.* Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии. 1992. № 3–4.
4. *Гловер Э.* Фрейд или Юнг. СПб.: Академический проект, 1999.
5. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.; СПб.: ПЕР СЭ; ИМАТОН-М, 2000.

6. *Дружинин В.Н.* Структура и логика психологического исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 1994.
7. *Каган В.Е.* Психология и психотерапия: гуманизация и интеграция // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
8. Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченко. Минск; М.: Харвест; АСТ, 2001.
9. *Кристи А.* Смерть в облаках: Собр. соч. в 20 т. М.: Артикул, 1995. Т. 6. С. 138.
10. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.
11. *Маслоу А.Г.* Психология бытия. М.; Киев: Рефлбук; Ваклер, 1997.
12. *Оуэн Н.* Магические метафоры. 77 историй для учителей, терапевтов и думающих людей М.: Эксмо, 2002.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1994.
14. Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
15. *Роджерс К.* Несколько важных открытий // Гуманистическая и трансперсональная психология: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко, Минск; М.: Харвест; АСТ, 2000.
16. *Фейдимен Дж., Фрейдгер Р.* Теория и практика личностно-ориентированной психологии. М.: «Три А», 1996. Т. 1.
17. *Франкл В.* Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997.
18. *Шарп Д.* Незримый ворон: Конфликт и трансформация в жизни Франца Кафки. Воронеж: МОДЭК, 1994.